

На следующий день Мариночка первым делом усадила Антона за первую парту и вручила ему листок с заданиями по самостоятельной. Вызвав другого ученика к доске, учительница отчаянно нервничала, но Антон выполнил работу блестяще, правильно и без единой поправки! Это так сильно обрадовало Марину, что она решила ковать железо пока горячо и вызвала Антона к доске. Пожалуй, это было ошибкой, вызванной эйфорией от успешно продвигающейся акции по повышению успеваемости конкретного ученика.

Мариночка осознала это только, когда Антон начал млямить что-то у доски. Сердце у учительницы упало, и она так расстроилась, что даже не сопротивлялась, когда ученик прошептал, подойдя поближе:

— Ну, что же вы, Марина Михайловна? Мы же договаривались только на одну пятерку! Что будем делать?

Мариночка отвечала тем же трагическим шепотом:

— Ты должен сейчас обязательно получить пятерку!

— Вы забыли меня простимулировать!

— Сейчас? — ужаснулась Мариночка, хотя в глубине души была уверена, что ученик не посмеет тискать ее на глазах у всего класса.

— Да, сейчас. Отойдите за кафедру.

Кафедра представляла собой закрытый с трех сторон четырехугольник с узким проходом. За этой кафедрой учительница стояла, когда показывала опыты или демонстрировала порядок действий с реактивами во время лабораторных. Ошарашенная словами ученика Мариночка безропотно дала увлечь себя внутрь маленького загончика. Она все еще не могла осознать, что должна «простимулировать» Антона на глазах всего класса.

— Марина Михайловна, вслух попросите меня расставить реактивы на полочках под кафедрой, — вырвал учительницу из ступора шепот ученика. Почти не соображая, она почти слово в слово повторила фразу.

Антон присел на корточки, и Мариночка, ощущая облегчение — из-под кафедры не очень-то полапашь ее за грудь, — сделала шаг вперед, совершенно не подозревая об участи, которая была ей уготована.

И тут же Антон потянул край ее юбки вверх. Первой реакцией учительницы было удержать неумолимо поднимающийся подол, остановить ученика. Но быстрый взгляд в сторону класса убедил ее этого не делать. Во время паузы как обычно ученики занялись кто чем, но несколько пар глаз следили за ней. И было совершенно невозможно воспрепятствовать Антону — все увидят, что что-то происходит за фанерной перегородкой! И подумают невесть что! И окажутся так близко к истине! Мариночка едва не закрыла лицо ладонями, чувствуя, как опозорена — Антон уже задрал юбку на бедра. Щечки учительницы вновь запылали, а соски вдруг вновь превратились в две твердые горошинки. И непонятно почему — в этот раз ученик их не тискал! Но грехопадение, с которым решительно невозможно было ничего поделать продолжалось! Во всяком случае, не на глазах же всего класса!

Антон, полюбовавшись на стройные ножки в колготках, вдруг взялся за промежность учительницы, лихо просунув пятерню между бедер и надавив большим пальцем на лобок.

Мариночка сдавлено пискнула, ощущая, как краска заливает все ее лицо, и даже аккуратные

маленькие ушки загораются от стыда. Замерев ни жива ни мертва с исследующими ее пальцами, учительница все же нашла силы проговорить срывающимся голосом:

— Ребята! Открываем учебники на странице с задачами по реакциям с аминами и решаем задачу 3.

Послышались недовольные шепотки «Опять самостоятельная!», но ученики зашуршали учебниками, а их учительница, израсходовав остатки воли, отдалась на волю исследующим ее через ткань пальцам. Она просто умирала от позора — все это происходило практически на глазах ее учеников. Хуже того, несколько капелек смочило трусики изнутри! А если Антон заметит эту нечистоплотность своей учительницы?

Но Антону этого было мало! Он, словно прочитав панические мысли учительницы, вдруг взялся за край колготок и резким движением стянул их вместе с трусами до коленок.

Мариночка покачнулась, словно от удара. Это и был удар по ее самолюбию — глаза ученика теперь находились на уровне ее киски, и он мог рассматривать ее без малейших усилий! Чем она теперь отличается от тех шлюх на сайте, что бесстыже показывают самые потаенные места? Не упасть в обморок помогло только осознание того, что класс кинется к ней и застанет ее лежащей за кафедрой в таком безумно непотребном виде.

Отвратительным было и то, что Антон мог неведь что подумать о ее отношении к гигиене — она чувствовала, что, когда ученик сдернул с нее последний покров, удерживающий ее на грани целомудрия, ее киска вновь пустила пару капелек. Нет, конечно, Мариночка была современной женщиной и поддерживала промежность в надлежащем виде — выбривала ее, оставляя лишь густую меховую отдушку на лобке... но вот эта непонятная влага, буквально сочащаяся из нее! Так опозориться перед собственным учеником!

А тут Антон, вдоволь безнаказанно насмотревшись на ее интимное место, протянул руку к ее промежности. Он сейчас почувствует, какая она влажная! А может быть, он побрезгует, и этот позор прекратится? Но ведь тогда он решит, что она не сможет его больше стимулировать?

Вся в раздрае, учительница не успела плотно сдвинуть бедра, и палец ученика легко скользнул внутрь нее. Увы, видимо как раз благодаря той влаге, которую она пускала все то время после того, как ей пришла неудачная мысль вызвать Антона к доске. У Мариночки перехватило дыхание. Не смотря на ни с чем не сравнимое унижение, которому ее подвергли, она почувствовала серию приятных коротких толчков, в эпицентре которых был палец Антона.

Между тем Антон наконец удовлетворился властью над своей учительницей и, натянув нижнее белье на место, одернув юбку, поманил Мариночку пальцем. Она присела рядом, униженная и раздавленная стыдом, но когда он сунул ей палец под носик и прошептал: «Оближите, Марина Михайловна!», отшатнулась. Впрочем, она пала уже настолько низко, что слизывание собственных выделений с пальца ученика уже почти ничего не значило. Тем более что наверняка, не сделай она этого, он не станет отвечать. Выбора не было, и Мариночка покорно облизала влажный палец.

И лишь после этого Антон, поднявшись сам, помог встать обессиленной от переживаний учительнице. Она еще нашла в себе силы сказать классу, что задачу решать до конца не надо — это будет домашним заданием. А потом углубилась в собственную тоску по потерянной благочестию и обретенному унижению. Вот только странно, почему ее мысли вновь и вновь возвращаются не к чему-либо, а к серии толчков внутри? О том, как это было сладко и как замерло сердечко.

Обретать себя Мариночка стала только тогда, когда сквозь пелену испытанного позора и воспоминания о сладости этого позора стал прорываться голос Антона, уверенно вещающего по заданной на дом теме. Она все-таки сделала это! Пусть страшной ценой собственного падения, но ее ученик по праву заслужил вторую подряд пятерку...

Учительница пришла в сносное расположение духа. Правда до тех пор, пока проходивший на свое место Антон не шепнул мимоходом:

— После уроков вас ждет еще наказание за непредусмотрительность моего вызова к доске.

Мариночка замерла. Ведь и правда ей еще расплачиваться за свою невыдержанность. Да, она виновата перед Антоном! А вдруг он бы не выучил урок? Тогда двойка была бы на ее совести, как педагога!

Поэтому едва закончились уроки, Мариночка села за свой стол и принялась безропотно ждать Антона. Он явился почти сразу в неотразимости своей молодости и жизненной энергии.

Мариночка робко опустила взгляд за стеклами очков, страшась наказания, смущенная своей виной и... наслаждаясь своей покорностью перед предстоящим. Она ожидала, что Антон вновь поставит ее в неприличную позу, но он опять удивил и огорошил ее. Правда, перед этим он сказал:

— Я хочу написать реферат по вашему предмету, чтобы исправить ситуацию с успеваемостью.

Учительница поняла, что ему вновь потребуется стимуляция, и зарделась, мгновенно вспомнив, чего ей это стоило пару часов назад. Но ей стало совсем плохо, когда ученик расстегнул молнию на брюках и достал свой эрегированный член. Мариночка поняла, что сидит всего в нескольких десятках сантиметров от мужского достоинства в полной боевой готовности! И где? В собственном кабинете, в святая святых науки! Ужас от происходящего совсем лишил ее сил, и она почти не сопротивлялась, когда Антон мягко, но настойчиво положил аккуратные пальчики прямо на раздувшуюся багровую головку.

Едва нежные пальчики коснулись раскаленного и непристойно твердого члена, Мариночка зажмурилась. Ей даже в страшном сне не могло присниться, что она будет трогать мужское естество, особенно в таком состоянии. Но по всей видимости от нее требовалось еще большее

— Антон накрыл своей ладонью ее пальчики, заставив сжать их на толстом стволе, а потом двинул к основанию и снова вверх. Твердость, набухшие вены, шелковистость кожицы — за краткие мгновения Мариночка ощутила все. И ужаснулась происходящему — она сама дрожит ученику! А хуже всего то, что едва ее пальцы, накрытые ладонью парня, сдвинули кожицу вниз, внизу живота создалась та же ситуация, как тогда перед толчками. А уж то, что между бедер все полыхало и текло... Про это даже думать было жутко неприлично, не то, что ощущать.

Учительница в прострации от того, что она делает, отдернула руку, но тут же услышала голос ученика:

— Марина Михайловна! Неужели вы не хотите увидеть мой реферат? И вообще давайте договоримся впредь: мои оценки будут полностью зависеть от проявленного вами усердия. Я разве что буду выбирать, какой способ стимулирования нам выбрать.

Мариночка, пылая до кончиков ушей, робко протянула ладонь к гордо возвышающемуся перед ней члену. Смотреть на него она не решалась... (Специально для egoto.org— секстейлз.орг) Хотя вдруг поняла, что ей ужасно хочется это сделать. И вообще, хорошо, что люди не умеют читать мысли друг друга. Иначе она и вовсе опозорилась бы — ее отвратительно грязные мысли говорили о том, что ей не только хочется посмотреть на орудие

греха, но и взять его в ладонь. Более того, она почти благодарна своему ученику, что он настаивает на этом выходящем за все рамки приличия действии.

Дрожа, словно в горячке, Мариночка все же заставила себя обхватить толстый ствол пальчиками и, памятуя, что от ее усилий зависят оценки ученика, оттянула кожицу вниз. Ей не надо было повторять, что нужно делать — Антон уже все показал, и кулачок заходил на мощном, бугрящемся венами стволе. Сначала осторожно, но после стога ученика: «Можно посильнее!» все ожесточеннее.

Это была пытка. Учительница пришла просто в отчаяние, когда осознала, что ей нравится драть ученику. Она пала так низко, как не могла предположить в самом ужасном кошмаре. А если он захочет чего-то большего? Чтобы не сойти с ума, Мариночка гнала эти мысли, пытаясь сосредоточиться на своем занятии и стараться проделывать его как можно лучше.

— Мне кажется мы можем совместить мою стимуляцию и ваше наказание, — вдруг сказал Антон.

Мариночка, занятая борьбой между остатками самолюбия и порочными желаниями (самолюбие проигрывало все больше) не сразу поняла. Но когда до нее дошло, что Антон хочет ее наказывать в то время, когда она будет улаживать его естество ручками, она тут же пустила в трусики целую струйку.

Видимо решив ее окончательно доконать, ученик не стал ставить ее и выставлять попку под удары линейки, а попросту расстегнул блузку и вздернул лифчик вверх, обнажив увесистые правильной формы груди.

Учительница, оказавшись с голой грудью, с членом своего ученика в ладони, едва не умерла от позора, опустив голову так низко, что уперлась подбородком в ключицы. Тем не менее, сквозь сползшие на кончик носика очки она увидела, как в поле зрения появилась прозрачная линейка, которой ее наказывали до этого. Вот пальцы ученика берут линейку за один конец. Вот другая рука оттягивает за другой конец. И отпускает. Линейка бьет ее по груди, впечатываясь в сосок. Мариночка ойкнула, но возразить не посмела. В конце концов, она сама виновата, что не предупредила ученика о том, что вызовет его к доске.

Между тем Антон вновь оттянул линейку и тут же отпустил его. Распрямившийся конец снова шлепнул учительницу по нежной плоти, на этот раз чуть выше соска. Мариночка закусилась пухлую губку. На третий раз она застонала. Но, как ни ужасно это не звучало, похоже, не столько от боли, сколько от сладких толчков там, где все уже буквально хлюпало от выделяемой влаги. При этом Мариночка не забывала и о члене своего ученика, исправно лаская его. Ей же сказали, что наказание будет одновременно со стимулированием!

Ослушаться она не смела.

Какое-то время в классе раздавались шлепки линейки по увесистой плоти, постанывания учительницы и тяжелое запаленное дыхание ученика. Мариночка чувствовала себя ужасно — толчки внутри нее не утихали, а словно нарастали, угрожая поглотить ее сознание. В какой-то момент она подумала, холодея от собственной извращенности, что хотела бы, чтобы сейчас пальцы Антона проникли в нее так, как это было на уроке. И тогда волна чего-то сладкого и могучего полностью смела бы ее. Понимая всю глубину падения, Мариночка зажмурилась и пропустила момент, когда шлепающие удары прекратились. Зато под ее пальчиками вдруг мощно запульсировал член, а затем на нее хлынула какая-то остро пахнущая горячая жидкость. Вмиг все груди оказались уделанными в потеках этой густой жидкости. Отдельные капли достигали лица, повисая на подбородке, носике, очках...

Мариночка очнулась, когда Антон уже ушел. Она не была совсем отсталой, и понимала, что ученик кончил ей на груди и на лицо. Да и до нее начало доходить, что она испытала оргазм, когда линейка принялась шлепать по ее оголенной нежной плоти.

Какое-то время Мариночка сидела в прострации, оглядывая следы своего унижения. Голая грудь рдела по всей передней поверхности от ударов. Соски, едва проглядывающие вишневыми набухшими головками сквозь урывающую их белесую жидкость, саднило. Но хуже всего было то, что небольшие толчки внизу живота превратились в ту самую лавину, сметающую все на своем пути. Учительница застонала от позора, вспоминая, как извивалась и кричала в голос перед учеником, выпускающему струю за струей на ее покрасневшие груди. Мариночка всхлипнула, и тут ее взгляд упал на стол. Она вспомнила, что когда ее сотрясали сладкие судороги, Антон сказал: «Наденьте это завтра, меня немного простимулирует знание, что под одеждой вы такая... Когда я приду сдавать реферат вечером, проверю, насколько вы хотите моей очередной пятерки».

Учительница взглянула сквозь очки, все еще с текущей по стеклам спермой, внимательнее. На столе лежали два прозрачных пакетика. На одном были женские ножки в чулках с широкой ажурной резинкой, а на втором призывно улыбалась блондинка в прозрачном кружевном белье розового цвета.

«Я буду такой шлюхой?» — застыла в шоке Мариночка, расширившимися от ужаса глазами бегая между пакетиками. «Шлюхой, шлюхой... « — сладко забилося сердечко...

Окончание следует...

vicky_kud@rambler.ru